

Наталья Бржестовская

Пороники: два брата, две личности, две творческие единицы

Слева Игорь Пороник, справа – Эдуард Пороник

Можно ли самому прочертить свою судьбу, нарисовать линию жизни? Какие краски, тона и приемы при этом использовать?

Представляю, что так примерно рассуждали братья Пороники в начале своего пути, определяя в нежном возрасте, кем стать, делать бы жизнь с кого, – свое предназначение. Я была уверена, что они родные братья: одна запоминающаяся фамилия, сходство лица и уж слишком оба яркие. Но нет, родные братья у них отцы.

Игорь Пороник – архитектор. Эдуард Пороник – художник.

В арт-среде Одессы *Эдуард Пороник* – фигура заметная. Мимо его работ на вернисажах пройти трудно – притягивают

взгляд. Его образы интригуют. Одному ему известным колористическим приемом он минимально использует цвета. И своей неповторимой творческой манере выражать эмоции и ощущения художник верен много лет. Пороник-младший пишет белым

по белому. Переносит на бумагу и холст то особое состояние воздуха, которое случается наблюдать туманным утром или при особом солнечном освещении, когда мир будто растворяется в свете. Мир, открывающийся в его композициях, похож на сновидение, на мираж. А кто может с уверенностью утверждать, что наш мир, наша галактика, вселенная абсолютно реальны, а не являются только нашим представлением о них?..

Азами изобразительного искусства Эдуард Пороник овладел в Детской художественной школе им. К. Костанди, продолжил обучение в Грековке, завершил на худграфе одесского педина.

Игорь Пороник выбрал факультет архитектуры Одесского инженерно-строительного института (ОИСИ), ныне – ОГАСА. Архитектурное образование давало широкий спектр знаний, заключающих в себе как строительную физику и механику, так и тот же рисунок, живопись, графику, историю искусств и градостроительства. Выбор для приложения творческих амбиций велик.

Английская поговорка гласит: «Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу, какое у тебя будущее». Игорю повезло с друзьями. Да, были определенные задатки. Но рано взял в руки карандаш благодаря старшим товарищам, которые прививали ему первые навыки рисования, учили грунтовать холст, писать маслом. Двенадцати-тринадцатилетним мальчишкой Игорь наблюдал, как его «наставники» сами мастерят мольберты, этюдники. А потом, вооружившись ими, вместе они выезжали на пленэры, правда, слова такого они тогда еще не знали.

* * *

Эдуард Пороник склонен думать, что своими способностями обязан отцу, у которого от природы были поставлены глаз и рука. Любил рисовать. Но ребенку войны, потерявшему на фронте отца, рано пришлось повзрослеть, став старшим в семье. Время было трудное. А мама любила петь, даже участвовала в конкурсах. Но рано стала работать, выбрав вполне земную профессию. Мечты родителей воплотили их дети: дочка получила музыкальное образование, сын – художественное. Как и у отца, у Эдуарда была склонность к рисованию с юных лет. Когда школьная учительница заметила способности

у шестиклассника, то посоветовала родителям отдать мальчика в художественную школу. Шел октябрь, набор в школу Костанди закончился. Но одна учительница, обратив внимание на растерявшегося мальчишку с отцом у дверей, улыбнулась и сказала: «У меня уже и так перебор – двадцать пять человек, ну будешь двадцать шестым». И взяла. Так Галина Березина стала первой наставницей будущего художника. Тоже посчастливилось встретить хороших людей в начале пути. Будущий живописец получил такую базу знаний, что через три года без труда поступил в Грековку на живописно-педагогическое отделение. И там с педагогами повезло: Валентин Филиппенко, Геннадий Гармидер, Галина Лекарева-Никитина... Защищал диплом у Якова Васильевича Киричека.

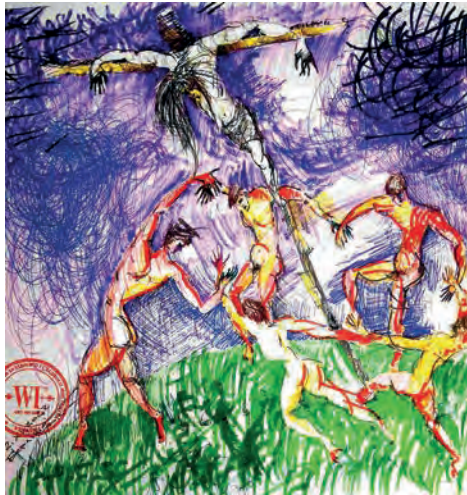
«Скажи мне, кто твои друзья...»

Вот так увлечения братьев определили их дальнейшую судьбу. По окончании худграфа способному студенту Эдуарду Поронику предложили остаться работать в вузе. Девять лет параллельно с творческой работой он преподавал в педине. А когда Валерий Уренев увел за собой лучших педагогов в Академию строительства и архитектуры на открывшееся новое отделение, вместе с ними ушел и Эдуард, связав на долгие годы свою жизнь с вузом, который оканчивал его брат Игорь. А отделение, на котором стал работать старший преподаватель кафедры рисунка, живописи и архитектурной графики Эдуард Пороник, скоро получило статус Архитектурно-художественного института и стало одним из престижнейших в Одессе. За годы преподавательской работы он выпустил не один десяток дипломированных художников. Среди его учеников – Виталий Парастюк, график, офортист, который входит в десятку лучших экслибрисистов мира. И талантливый живописец Наташа Лоза – тоже его ученица.

* * *

Тем временем молодой дипломированный архитектор Игорь Пороник получил место специалиста в Областном управлении охраны объектов культурного наследия.

Каждый из братьев шел своим путем. Их дороги пересеклись в 1986-87 годах, когда при управлении, где работал Игорь, на ули-

Работы Игоря Пороника

Работы Эдуарда Пороника

це Гоголя, 2, открыли выставочный зал народного творчества. Галерей в городе еще не было. Там-то и стали организовываться выставки работ молодых амбициозных одесских живописцев и графиков. К тому времени Игорь Пороник активно работал в области графического дизайна, являлся автором плакатов и логотипов. Занимался оформлением книг.

Вернисажи продолжились и в зале «Унион», когда управление переехало на улицу Троицкую, 43.

90-е годы – интересное время, когда художественные галереи в Одессе росли, как грибы. После вынужденных квартирников художники получили возможность свободно выставлять свои работы. Открыл галерею и Эдуард Пороник. Интересные были проекты. Самый шумевший из них – «Две тысячи лет под звездой Вифлеема» – охватил музейные площадки города и даже сцену оперного театра. В то время художников частенько приглашали в Киев для участия в творческих конкурсах и фестивалях, оплачивали им поездки. Но в середине двухтысячных галереи Одессы стали, как шагреновая кожа, ужиматься, а их число – сокращаться. Закрывались маленькие творческие центры, такие как «Либерти», «Тирс», «Диалог», «Амис», и такие крупные, масштабные, как Морская галерея.

Сегодня работы Эдуарда Пороника можно найти в Интернете. Кроме того, салонные картины небольшого формата, которые художник называет мухами, представлены в галерея «Муза». Главное, есть имя, есть любимое дело. «Из всех людей только художнику дана свобода», – писал Сомерсет Моэм. Это точно об Эдуарде Геннадиевиче. Он принципиально не вступает в Союз художников, не видит в этом смысла. Когда-то являлся членом молодежной секции СХ. Теперь считает это объединение анахронизмом, порождением советского времени, задачей которого было обеспечивать художников заказами. А заказывали то, что требовала партия. Какая уж тут свобода? Сегодня положение этой устаревшей структуры еще печальней. Пороник уверен: все, что там происходит, давно себя изжило. Кто как не СХ призван помогать молодым талантам, дать им возможность себя проявить, представлять их на столичных и международных площадках? А в выставках, организуемых Союзом, участвуют одни и те же люди. Была у Эдуарда мастерская, выделенная СХ, – отказался.

Еще не так давно художники ходили друг к другу в мастерские, показывали и обсуждали работы. Были дебаты, споры до хрипоты. А потом что-то произошло. Такого братства, открытости не стало.

Такой вот диссидент в одесской художественной среде. Сам по себе. «Не люблю бегать в стае», – отвечает Эдуард Пороник, когда мучают вопросами.

Игорь Пороник умеет работать в команде. Восемнадцать лет проработал в управлении охраны объектов культурного наследия, был начальником отдела ремонта и реставрации, использования и эксплуатации. Хорошо был знаком с памятником архитектуры национального значения – Музеем западного и восточного искусства, с тех самых времен, когда в 2003 году его укрепляли сваями. Знал не понаслышке о состоянии музейного комплекса.

Семь лет назад Игорю Поронику предложили возглавить музей: должны были начаться масштабные реставрационные работы: «Кому как не тебе? Ты знаешь объект как свои пять пальцев. Поработай годик-два». Но время должности исполняющего обязанности директора музея растянулось на семь лет. Так архитектор стал музейщиком. При нем был обновлен античный зал, сделано новое освещение в выставочных залах, модернизирована система наблюдения. Наконец создали электронную базу музейной коллекции, оцифровали фотографии и документы со всей нужной информацией.

Вместе с многочисленными музейными проблемами и заботами получил Игорь Борисович в наследство головную боль с громким названием Караваджо. Напомню: единственное в Украине полотно великого итальянца эпохи Возрождения «Поцелуй Иуды, или Взятие Христа под стражу» было похищено из Одесского музея западного и восточного искусства еще в 2008 году. Летом 2010-го берлинская полиция задержала злоумышленников, и в сентябре того же года власти Германии вернули спасенный шедевр, которому была необходима срочная тщательная реставрация. Так картина оказалась в Киевском национальном научно-исследовательском реставрационном центре. И тут вступила в свою силу неповоротливость украинской бюрократии. Все последующие годы прошли в переписке музейного руководства

с судебными и прокурорскими органами, полагавшими, что вещественное доказательство, коим являлся и является «Попелуй Иуды», нужно сохранять в том виде, в каком его вернули в Украину. Только через восемь лет после решения суда долгая борьба сотрудников Одесского музея западного и восточного искусства, его директора Игоря Пороника и председателя попечительского совета Юрия Маслова увенчалась успехом.

Работа Игоря Пороника

В 2018 году с «вещдока» был снят запрет на реставрацию. А суды длятся до сих пор. Поменялся четвертый судья. Игорь Борисович пытался привлечь итальянских реставраторов, специалистов по Караваджо. Не разрешили. Восстановление шедевра продвигалось очень медленно. Помогло вмешательство Президента. Пороник лично обратился к Владимиру Зеленскому во время его визита в Одессу. Повлияла и приближавшаяся круглая дата – 450 лет со дня смерти Караваджо. И после десяти лет дело сдвинулось с мертвой точки. В августе 2021 года реставрация полотна Караваджо была завершена.

Как выздоравливающий больной, оно должно было еще какое-то время находиться под наблюдением и лишь после этого перевезено в Одессу. Но когда уже шла работа по передаче бесценного «вещдока» на хранение в одесский музей, началась подготовка здания к реставрации. Везти картину во время ремонта не имело смысла. А потом грянула война.

Так что, отреставрированное полотно Караваджо находится на ответственном хранении. А одесским ценителям прекрасного еще рано любоваться высоким искусством гения итальянского Возрождения.

Но в задачу руководителя музея входит не только сохранность коллекции музея, но и исторического здания, а также, с учетом войны, и коллектива.

Своего обновления все ждет дворец Абазы, памятник национального значения. С начала двухтысячных здесь ведутся локальные ремонты, хотя давно назрела необходимость масштабной реставрации. Игорю Поронику удалось довольно быстро провести подготовку проектной документации. Сказался его опыт работы в Управлении охраны объектов культурного наследия, знание подводных камней. Проект 2007 года ему был хорошо знаком, и удалось, экономя время и бюджетные деньги, не заказывая новый проект, внести корректировку в прежний. Когда проект был готов и прошел экспертизу, его удалось включить в президентскую программу «Велика реставрація».

Строители уже было приступили к подготовительным работам. Но 24 февраля началась война. Повторилась трагическая ситуация, которую музей однажды уже пережил, когда в 1941 году музейные ценности отправились в эвакуацию. Спустя восемьдесят лет коллекцию вновь экстренно паковали и готовили к вывозу. Страх был обоснованным. За год войны от рук российских оккупантов пострадали тридцать украинских музеев.

Когда под угрозой оказались общечеловеческие культурные ценности, подключились волонтерские организации, европейские институции. Со всеми предосторожностями музейную коллекцию ОГМЗВИ вывезли в безопасное место, где она должна находиться в благоприятных условиях до окончания войны. Но спустя некоторое время немецкие культурные институции предложили, не без инициативы директора одесского музея Игоря Пороника, представить одесское музейное собрание в Германии: живописную коллекцию – в Берлине, графическую – в Бремене. Немецкая сторона берет на себя все расходы по упаковке, транспортировке, охране, обеспечению климат-контроля музейных картин.

Сейчас оформляются разрешительные документы в Министерстве культуры Украины.

Кстати, немецко-украинское общество бизнеса и науки уже во время войны профинансировало работы по замене радиаторов в музее. А благодаря помощи благотворительных фондов музей получил новое оборудование, в том числе двадцать ком-

пьютеров. Часть из них осталась в ОГМЗВИ, другие отправились в региональные музеи.

Помогает Одессе и Вильнюсский национальный музей. Весной там будут экспонироваться два наших шедевра – полотно великого голландца Франса Хальса «Святой Лука» и «Святой Матфей». Поронику удалось наладить контакты с директорами ведущих европейских музеев и галерей. Теперь он рассчитывает на долгосрочное сотрудничество, когда закончится война.

А что реставрационные работы? Они начались в условиях войны и продолжатся при стабильном финансировании.

* * *

Прямо перед войной в галерее «Муза» открылась выставка *Эдуарда Пороника*, которая длилась как никогда долго – четыре месяца. За окнами слышатся взрывы, звуки воздушной тревоги, а на картинах – вполне мирные пасторальные сюжеты.

После 24 февраля Эдуард Пороник долго не мог писать. Потерял ко многому интерес, не мог работать, не мог понять, за что... Отец Эдуарда Геннадиевича, которому сейчас восемьдесят восемь лет, видел войну мальчишкой в Макеевке. Встретился с ней вновь на закате жизни. Как ему объяснить?..

Кто-то может выносить свою боль на холст, делиться ею. Кто-то ее прячет в себе. Пороник привык делиться радостью, красотой. Его излюбленные темы и персонажи – стихия земли, воды и неба, одесские крыши. Обитатели его мастерской – причудливые облака в виде кота-ангела, вариации на тему Дон Кихота, проступающая сквозь дымку, туман девочка с кроликом, цирковой артист в минуты отдыха и блоковская дама в зеленом... До них ли сейчас...

Но среди его работ, написанных лет пять-восемь назад, во вполне мирное время, есть неожиданные. Вот на реке лодка, полная горящих свечей. На мрачном небе – журавлиный клин. Врата с колоколами. Ощущение приближающейся беды. Огоньки – души людей, река – Стикс, а врата разделяют мир горний и мир дольний? Что это, предвидение?..

Художнику всегда нравились оптическое смещение цвета. В юности Эдуард Геннадиевич увлекался импрессионистами, его интересовала воздушная среда. И постепенно сложился его уникальный творческий почерк, как будто картина открывается зрителю постепенно, проступает сквозь дымку. Одно время он был увлечен перламутром, искал, как его лучше передать на бумаге. Стремился, чтобы работы были слегка перламутровые. А когда особо пытливые докапывались, как это у него получается, отшучивался, что находит на берегу морские ракушки, толчет их и добавляет в краски.

Работа Эдуарда Пороника

На самом деле художник, как алхимик, колдовал с красками, пока не добивался искомого.

Принято считать, что искусство должно быть вне политики. Но как можно быть в стороне, если трагедия происходит в твоей стране, рядом, если это саднит, болит? Некоторые его собратья по перу предпочли уехать, делают на чужбине выставки. Предлагали уехать и делать выставки и Эдуарду Поронику. Но он предпочел остаться на родине, чтобы и его работы оставались в его стране. Когда начались воздушные тревоги, сначала был в оцепенении. Спустя месяц забрал семью и уехал в Тернопольскую область, в село Ермаковку. Местные жители их приняли как родных, дали хату, напилели дров. С этими душевными, открытыми, сердечными людьми они прожили два с половиной месяца, отогрелись душой. И вернулись в Одессу.

Война оставила большой рубец на сердце. В сентябре прошлого года у Эдуарда Геннадиевича случился обширный инфаркт. Было время для размышлений. А когда Пороник полностью вос-

становился, переосмыслил многое и в декабре ушел из академии, получив столь желанную его душе свободу. Сегодня Эдуард Пороник активно творчески работает. Не оставляет и педагогику, но обучает молодых не на потоке, а индивидуально.

* * *

У Игоря Пороника, не в пример брату, выставок был не много. Но сегодня авторские работы одессита находятся в коллекции Дома-музея Макса Либермана в Берлине, Бременской картинной галереи, Ангермузея (г. Эрфурт), Одесского музея современного искусства, в частных коллекциях Нью-Йорка, Майами, Тель-Авива, Берлина. Одесским зрителям памятны его работы в проекте «Фата-моргана». Военная тема нашла отражение в его творчестве, и его работы представлены сейчас в галерее американского Сан-Диего. А в готовящейся выставке в Вильнюсе, посвященной Украине, примет участие и Игорь Пороник.

Корбюзье принадлежит фраза: «Архитектура – это не профессия, это образ мышления». Игорь Борисович продолжает эту мысль: «Художник обладает способностью видения. В этом смысле я – художник. Хотя до мастерства брата мне далеко».

Год назад Игорь Пороник был принят в Союз художников Украины – как искусствовед.

Несколько своих графических работ он повесил у себя в кабинете. Сам автор считает, что его директорский кабинет больше похож на кабинет прораба. Много лет назад попав сюда, он познакомился с Виктором Никифоровым, в те годы директором музея, человеком, знавшим музейное дело досконально. Виктор Сергеевич сидел в массивном деревянном кресле, более походившем на трон, а на стене за ним висел старинный гобелен. Все это впечатлило молодого архитектора, подумавшего тогда: «Какая это, должно быть, творческая и созидательная деятельность!». Напророчествовал. Теперь Пороник ничего не загадывает наперед.

Затянувшаяся реставрация шедевра Караваджо подтолкнула Пороника к графической реплике, которая теперь напоминает о «Поцелуе Иуды».

А пока музей дожидается возвращения полотна, его коллекция неожиданно пополнилась новым экспонатом с родины Караваджо. И это в дни войны! Друзья музея и меценаты Рубен Ашрафян и Роман Топилов передали в дар музею картину итальянского художника Винченцо Иролли (1860-1949) «Портрет неаполитанки». Хороший знак.

